

3. Ладыженская Т.А. Живое слово. Устная речь как средство и предмет обучения. М.: Флинта; Наука, 1998.
4. Борисова Е.Г., Латышева А.Н. Лингвистические основы РКИ (педагогическая грамматика русского языка): Учебное пособие. М., 2003.
5. Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: Учебное пособие для вузов. М., 2003.
6. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному / Под ред. А.Н. Щукина. М., 2003.
7. Акишина А.А., Каган О.Е. Учимся учить: Для преподавателей русского языка как иностранного. М., 2004.

Специфика когнитивной обусловленности метафорических номинаций неопределенного количества

Егорова Олеся Ивановна, преподаватель, соискатель;
Кальченко Анна Владимировна, студент
Сумский государственный университет (Украина)

Рассматривая количество как неотъемлемую часть концептуальной картины мира, отражающей мировоззрение носителей определенной лингвокультуры, представляется целесообразным рассмотреть количество как концепта, которому присуще содержать в себе знание о мире, накопленное человеком в процессе познания окружающей действительности. Понятие количества и средства его оязыкования не раз становились объектом пристального внимания лингвистов (В.З. Панфилов, Л.Г. Акуленко, В.В. Акуленко, С.А. Жаботинская, С.А. Швачко, И.К. Кобякова), однако в связи со становлением когнитивной парадигмы в лингвистике, вопросы количественной вербализации получают новые ракурсы для рассмотрения.

Количественные отношения, присущие объективной реальности, познаются и вербализируются определенно, приблизительно и неопределенно [5, с. 14]. В своем сознании человек обрабатывает полученные сведения из окружающего мира. Процесс обработки полученных знаний является основой для явления метафоризации мышления. Концептуальная метафора как продукт такого мышления аккумулирует в себе идею или образ предмета действительности, характерного и понятного данной лингвокультуре.

Ядро любого концепта лингвокультуры составляет понятийный слой. Тем не менее, кроме информационной сущности общекультурному концепту свойственно передавать также образные и ценностные сущности, которые образуют соответствующие компоненты в структуре концепта.

Наличие образного компонента в концепте определяется самим нейролингвистическим характером универсального предметного кода: чувственный образ кодирует концепт, создавая единицу универсального предметного кода [4, с. 106]. Наличие образного слоя — это один из важнейших признаков концепта. По мнению Н.Ф. Алефиренко, образ — это первичная форма концептного воплощения в виде представляемого предмета или отношение предмета к идее, благодаря которой концепт становится явлением и приобретает конкретное оформление [1, с. 59].

Концепт *INDEFINITE QUANTITY* является компонентом базового «прототипичного» концепта *QUANTITY*, что характеризуется онтологичным статусом, кросс-культурной универсальностью и ценностью.

В рамках данного исследования ценностный компонент концепта *INDEFINITE QUANTITY* рассматривается сквозь призму образного, поскольку эти два компонента практически неразделимы друг от друга. Мы поддерживаем авторитетное мнение Дж. Лакоффа и М. Джонсона о том, что самые фундаментальные культурные ценности согласовываются с метафорической структурой основных концептов этой культуры [3, с. 46–48]. Другими словами, метафорическая система, которая включает образы неопределенного количества, дает ключ к ценностям той или иной культуры, которые стоят за этими метафорическими образами.

Таким образом, для выявления содержания образно-ценностного компонента концепта *INDEFINITE QUANTITY* в англоязычной картине мира, мы обращаемся к выделению и интерпретации когнитивных образов количества, определяемых методом метафорического анализа с их последующей когнитивной интерпретацией.

На основе параметра выполнения той или иной функции когнитивной метафоры традиционно делятся на онтологические, ориентационные и структурные [3, с. 32–36; 7: 32–36]. Следует помнить, что метафоры не являются произвольными сущностями, поскольку они мотивированы теми структурами, которые составляют неотъемлемую часть экспериенциального знания. Подобными структурами выступают так называемые «образ-схемы», которые структурируют наш опыт на доконцептуальном уровне [6, с. 19–21] и представляются действенным способом для когнитивной интерпретации метафор.

Привлечение «образ-схем» к осмыслению количественных когнитивных метафор обусловлено их экспланаторной силой, которая выявляет закономерности мышления и особенности работы нашего воображения. Кроме того, они доказывают существование соматического и пространственного кодов той или иной лингвокультуры,

упорядочивают экспериенциальный фонд, а также объективируют мотивированность языковых знаков.

Согласно теории концептуальной метафоры, за метафорой как фактом языка и речи стоит когнитивный механизм, предназначенный для обработки информации об абстрактных объектах, которые не поддаются перцептивному восприятию, путем их сравнения с объектами конкретными, которые имеют перцепционную основу [2, с. 3]. Когнитивный процесс «концептуальная метафора», в частности, лежит в основе формирования количественных значений слов-номинаций неопределенного количества.

В основе разнообразия онтологических метафор — опыт обращения с материальными объектами, а особенно — с нашим собственным телом [3, с. 51; 7, с. 16], в связи с чем одним из базовых инструментов познания человек выбрал самого себя.

Феномен неопределенно-количественной концептуализации предусматривает ее интерпретацию в языке через образы живой природы, которые также включают базовые зооморфные и фитоморфные метафоры НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ КОЛИЧЕСТВО — ЭТО ЖИВОТНОЕ, НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ КОЛИЧЕСТВО — ЭТО РАСТЕНИЕ. Наглядные образы большого и маленького размера ряда представителей флоры и фауны определяют перенос названий этих объектов для обозначения большого или малого количества: *throw a sprat to catch a herring (mackerel, whale)* — рискнуть малым ради большого, *a whale (of time)* — очень много (времени), *a thicket (of ideas or events)* — много (идей или событий). Подобные метафорические образы согласовываются с одним из общих суждений о культурных ценностях англоязычного общества «Более большое — лучше» [3, с. 46].

Размерность объектов животного и растительного миров является основой для выполнения операций субъективного оценивания, что делает возможным объяснение концепта *QUALITY* с помощью концепта *QUANTITY*. В следующих фрагментах художественного дискурса авторы высказывания сравнивают людей с насекомыми и червями: *He had a way of looking at people, when he was thinking of something else perhaps, that suggested that he thought them somewhat peculiar but rather disgusting insects* (W.S. Maugham), *Last thing I've ever wanted in a woman, but there it is, no getting away from it, she's good, and it makes me feel like a worm* (W.S. Maugham). В обоих случаях малый размер представителей фауны является основой «социальной» евалюации человеческих качеств, осмысливаемых в терминах количества: фактическая размерность менее нормы согласно шкале индивидуальных ценностей получает аксиологическую оценку «плохо».

Большой размер, в зависимости от ситуации, где он важен, получает разные оценки, например: *some pumpkins* — важная персона (большой размер → высокий статус → оценка «хорошо»), *like a bull in a china shop* — словно слон в посудной лавке (большой размер → занимает много места → оценка «плохо»), *white*

elephant — обременительный предмет, подарок, который не знают куда деть (большой размер → занимает много места → оценка «плохо»).

Образы неопределенной множественности актуализируются в англоязычном сознании с помощью ассоциаций с совокупностями животных и растений. Такие количественные образы, подобно образам совокупностей людей, могут вызывать различные эмоции и соответствующие им оценки: *In and out of the dark doorways, and down narrow alley-ways that branched off on either side, people swarmed in astonishing numbers...* (G. Orwell), *Half-unwillingly, he shoved his chair up to the table. It needed an effort even to disturb that frightful jungle of papers. He pulled a few grimy sheets towards him, spread them out and looked at them. God, what a mess!* (G. Orwell), *At last they reached the primeval forest, huge trees swathed in luxuriant creepers, an inextricable tangle, and awe descended upon them* (W.S. Maugham), *Hordes of flying beetles had emerged from their cocoons as soon as the ram started, there was a plague of loathly creatures known as stink-bugs, which invaded the houses in incredible numbers, littered themselves over the dining-table and made one's food uneatable* (W.S. Maugham).

Метафорика мышления в сфере количественной «размытости» может быть связанной не только с фактическим количественным содержанием объектов квантификации и их расположением в пространстве, но также и с отсутствием возможности выполнения операции подсчета со стороны субъекта познания. Проанализируем следующий текстовый фрагмент: *Behind his screwed-up eyelids a forest of fingers seemed to be moving in a sort of dance, weaving in and out, disappearing behind one another and reappearing again. He was trying to count them, he could not remember why. He knew only that it was impossible to count them, and that this was somehow due to the mysterious identity between five and four. The pain died down again. When he opened his eyes it was to find that he was still seeing the same thing. Innumerable fingers, like moving trees, were still streaming past in either direction, crossing and recrossing. He shut his eyes again* (G. Orwell).

Вертикальное расположение объектов квантификации (пальцев) и невозможность их подсчитать точно в связи с физиологическим состоянием субъекта квантификации (полуобморочное состояние, вызванное длительным острым ощущением боли), из-за которого объекты квантификации представляются в хаотическом движении, создают совокупный образ леса, из которого, как и из полуобморочного состояния, практически невозможно выйти (негативная оценка). Таким образом, спецификация базовой количественной метафоры НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ КОЛИЧЕСТВО — ЭТО ДЕРЕВЬЯ структурирует другую метафору ПОЛУОБМОРОЧНОЕ СОСТОЯНИЕ — ЭТО ЛЕС.

Метафора НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ КОЛИЧЕСТВО — ЭТО СУБСТАНЦИЯ выступает одной из основных он-

тологических квантитативных метафор. Выборочный анализ метафорических образований этого типа доказал, что неопределенно большое и неопределенно малое количество главным образом ассоциируется с водой и воздухом: *Small rivulets of pain, seemingly touched off by the movement, shot through his body at unexpected place...* (G. Orwell), *She put her arms round his neck and kissed him on both cheeks, then without a word of warning burst into a flood of tears* (W.S. Maugham), *In the enclosure, a mob of people seethed, shouting and jostling; the confusion of their multi-coloured clothes was like a cascade of hundreds-and-thousands poured out of a jar* (G. Orwell), *I made her drink a drop more whisky* (W.S. Maugham), *We are three women who have worked hard for many years and not a breath of scandal has ever tarnished our good names* (W.S. Maugham), *At last, more from the natural eddying of the crowd than by his own effort, he found himself flung out into the open* (G. Orwell), *And all the time he held her in his tempestuous embrace* (W.S. Maugham), *Internet censorship: the final gulp of freedom* (<http://english.pravda.ru/russia/politics/29-01-2005/7669-0/>).

Подобное когнитивное осмысление неопределенного количества вызвано непосредственным бытовым опытом контакта человека с окружающим миром: водные и воздушные массы определяются человеком по тем или иным параметрам величины, протяженности и т.д. Образное мышление человека выполняет операцию отождествления количественного параметра явления с самым явлением. Таким образом, название явления и его определяющие характеристики (характер движения, длительность, величина разрушающей силы и т.д.) структурируют концепт INDEFINITE QUANTITY.

Контекстуальный анализ доказывает, что спецификации когнитивных метафор НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ КОЛИЧЕСТВО – ЭТО ВОДА, НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ КОЛИЧЕСТВО – ЭТО ВОЗДУХ формируют наиболее конвенциональный ряд номинативного корпуса квантификаторов, реферирующих к различным сущностям, которые получают как позитивную, так и негативную оценки: *a flood of tears / a flood of joy, a torrent of abuse / a torrent of words, an avalanche of letters / an avalanche of lies* и т.д.

Англоязычное сознание фиксирует отдельные явления ассоциативных связей неопределенно малого количества с элементарными частицами сыпучих или твердых субстанций: *crumbs of good news, a grain of information,*

a morsel of consolation, a nugget of truth. Когнитивной предпосылкой формирования подобных концептуальных метафор является образ-схема «часть / целое», а валоративной — обязательная ценность объектов, которые подлежат квантификации. Очевидно, что базовыми материальными ценностями для человека всегда были еда и финансовый достаток, которые выступают когнитивным прототипом чего-то целого как нормы. Часть от целого определяет нарушение нормы, представляет неполноту и актуализирует понятие «мало». Тем не менее, и такое количество представляет собой ценность, поскольку «крупица информации» может приглушить «информационный голод», крупица утешения — заполнить «душевную пустоту», а капля правды — пополнить «казну моральных ценностей».

Неопределенное количество также может концептуализироваться через образы, связанные с огнем и светом (НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ КОЛИЧЕСТВО – ЭТО ОГОНЬ / СВЕТ). Интенсивность огня и света, присущая явлениям объективной реальности, обуславливает принципиальную дифференциацию неопределенно большого и малого количества.

Слабый, еле видимый свет, которого недостаточно, порождает образы неопределенно малого количества: *a ray of comfort, a gleam of good fortune, a spark of honesty, a glimmer of hope, light autumn rains.* Важным является аксиологическое отношение к свету и его количеству: чем больше света — тем лучше, но и малая часть света все равно представляет собой ценность.

Интенсивное горение, сгорание или свечение создает образы неопределенно большого количества: *fire of passion, to blaze with fury, to burn with hatred, flaming patriotism, to explode with tears, to glow with pride, to be radiant / beaming with happiness.* Опыт человека о разрушительной силе огня обуславливает когнитивные ассоциации большого объема негативных эмоций с огнем, тогда как большое количество позитивных эмоций и чувств чаще всего передается через ассоциации с солнечным светом.

Таким образом, не смотря на абстрактный характер концепта QUANTITY и доминирующее положение понятийного компонента в его структуре и структурах его субконцептов, наглядно-чувственные образы, мотивирующие значения большого количества вербализаторов концепта INDEFINITE QUANTITY дают возможность структурировать образно-ценностный компонент концепта INDEFINITE QUANTITY.

Литература:

1. Алефиренко, Н.Ф. Проблема вербализации концепта: Теоретическое исследование / Н.Ф. Алефиренко. — Волгоград: Перемена, 2003. — 96 с.
2. Жаботинская, С.А. Концептуальная метафора: процедура анализа для множественных данных / С.А. Жаботинская // Актуальні проблеми менталінгвістики. Збірник статей за матеріалами VII Міжнародної конференції. — Черкаси, Черкаський національний університет імені Б. Хмельницького, 28–29 квітня 2011 р. — Черкаси : Ант, 2011. — С. 3–6.

3. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Лакофф Дж., Джонсон М.; пер. с англ. А.Н. Баранова, А.В. Морозовой; под. ред. и с предисл. А.Н. Баранова. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.
4. Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / Попова З.Д., Стернин И.А. — Воронеж: Изд-во «Истоки», 2001. — 191 с.
5. Швачко, С.О. Екстеріоризація пізнавального процесу / С.О. Швачко // Засоби квантифікації: лінгвокогнітивні аспекти: Монографія / За редакцією проф. С.О. Швачко / С.О. Швачко, С.В. Баранова, І.К. Кобякова, О.М. Медвідь, Н.І. Чернюк. — Суми: Вид-во СумДУ, 2007. — С. 14–21.
6. Johnson, M. The body in the mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason. Chicago: University of Chicago Press, 1987. — 233 p.
7. Kövecses Z. Metaphor: A Practical Introduction / Kövecses Z. — Oxford, New York: Oxford University Press, 2002. — xv pp., 285 p.

Субъективная эпистемическая модальность в сложноподчиненных предложениях с придаточными объектными

Захарова Виктория Анатольевна, ассистент
Самарский государственный архитектурно-строительный университет

Говоря о категории модальности, следует отметить, что, несмотря на разнообразие точек зрения по данному вопросу, одним из наиболее общепризнанных определений модальности следует считать: «Модальность — функционально — семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [4, с. 303].

В западноевропейской лингвистике наибольшее распространение получила концепция модальности Шарля Балли. По мнению швейцарского ученого: «модальность — это душа предложения; как и мысль, она образуется в основном в результате активной операции говорящего субъекта. Следовательно, нельзя придавать значение высказыванию, если в нем не обнаружено хоть какое-либо выражение модальности [1, с. 44]. По его мнению, в высказывании можно выделить основное содержание (диктум) и его модальную часть (модус), в которой выражается интеллектуальное, эмоциональное суждение говорящего в отношении диктума. Модус и диктум дополняют друг друга.

Ш. Балли разделяет модусы на эксплицитные и имплицитные; основной формой выражения эксплицитного модуса является главное предложение в составе сложноподчиненного с придаточным дополнительным. Эксплицитное выражение диктума и модуса Балли иллюстрирует на примерах сложноподчиненных предложений с придаточными объектными: Я думаю, что ты лжешь. Так, Балли поясняет, что мыслящий субъект изначально совершает мыслительный акт над представлением, который затем актуализируется в результате психического акта, становясь объектом этого акта, его целью. Так, исходя из этого — диктум (придаточная часть) становится поводом, а модус (главная часть) — темой эксплицитного высказывания.

Диктум по мнению Ш. Балли, коррелятивен представлению, воспринятому чувствами, памятью или воображением, а модус — той психической операции, которая производится мыслящим субъектом над этим представлением. Модус — представляет собой выражение модальности. [1]

К модальным значениям относятся два типа значений: объективная и субъективная модальности. Объективная — отражает характер объективных связей, намеченных в той или иной ситуации, на которую направлен познавательный акт, а именно связей возможных, действительных и необходимых. К языковым показателям этого вида модальности В.З. Панфилов относит модальные глаголы и наклонение глагола. Субъективная модальность выражает оценку со стороны говорящего степени познанный связей — возможных, действительных и необходимых, указывает на степень достоверности мысли, отражающей данную действительность [6, с. 41]. Субъективная модальность, то есть отношение говорящего к сообщаемому, не является обязательным признаком высказывания. Она образует в предложении второй модальный слой, иногда так же называется вторичной модальностью. Ее семантический объем шире семантического объема объективной модальности. Смысловой основой субъективной модальности является оценка в широком смысле слова. Субъективно-модальные значения выражаются в языке разноуровневыми средствами. В.В. Виноградов обратил внимание не только на истолкование самого понятия модальности, но и обозначил формы выражения модальности. По мнению ученого, отношение содержания предложения к действительности, устанавливаемое с точки зрения говорящего составляет сущность данной категории. «Каждое предложение в себя включает как существенный конструктивный признак модальности значения, т.е. содержит в себе указание на отношение к действительности» [2, с. 56]